

БУГУТСКАЯ СТЕЛА (К ИСТОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИКИ)

Д.В. Рухлядев

В статье рассматривается история интерпретации символики Бугутской стелы — древнейшего письменного памятника тюрков. Дается обзор различных гипотез, выдвигавшихся на этот счёт исследователями. Первая гипотеза, в дальнейшем завоевавшая широкое признание, заключалась в том, что в верхней части стелы изображена волчица, а под ней — мальчик (отсылка к тюркскому генеалогическому мифу). В ряде случаев добавлялось, что волчица изображена кормящей мальчика. В отдельных версиях данной гипотезы допускалось, что волчица имеет «драконий» облик. В дальнейшем эта гипотеза была подвергнута критике как несостоятельная. Более детальное исследование нашедших стелы, новые фотографии и обнаружение новых фрагментов позволили установить, что мы имеем дело с изображением либо двух драконов, либо двух волков, композиционно соответствующих драконам на китайских стелах. В настоящий момент актуальными остаются версии о том, что на стеле представлены два волка, зеркально развёрнутые по отношению друг к другу, или два дракона, воспроизводящие стандартный китайский образец. Во втором случае своеобразие Бугутских драконов объясняется, скорее всего, недостаточным владением мастерством обработки камня и недостаточным знанием китайского иконографического канона.

Ключевые слова: Бугутская стела, Монголия, барельеф, драконы, волчица, мальчик, тюрки, символика.

Бугутская стела является древнейшим письменным памятником тюрков. Хотя она написана не на тюркском языке (языках), стела повествует о деяниях тюркских каганов и установлена в честь Таспар (Татпар) кагана, умершего в 581 г. В связи с этим её изучение представляется особенно важным для расширения наших знаний о Первом тюркском каганате и истории тюрков в целом. Помимо текста, большой интерес вызывает материальное оформление стелы, её иконография, отражающая международные связи и иностранные влияния в тюркском искусстве (рис. 1, 2).

Стела была обнаружена в 1956 г. монгольским археологом Ц. Доржсурэном. Ныне она находится в музее г. Цэцэрлэг — административного

Рухлядев Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва, Россия.

Rukhliadev Dmitriy Vladimirovich, PhD, Researcher, Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia.

E-mail: rukhliadev@mail.ru

центра Архангайского аймака Монголии. Начало изучению символики стелы положил С.Г. Кляшторный. Вместе с В.А. Лившицем он опубликовал работы, которые в дальнейшем во многом определяли подходы к исследованию памятника и установившиеся мнения о нём. В.А. Лившиц перевёл согдийский текст стелы, а С.Г. Кляшторный дал её иконографическую и историческую интерпретацию (Кляшторный, Лившиц 1971; Kljaštornyj, Livšic 1972). Согласно его трактовке, хотя барельефное навершие стелы сохранилось не полностью, ясно, что оно совершенно от-лично от наверший известных памятников. Главная его часть — не ки-тайские императорские драконы, а изображение волка (или волчицы),

Рис. 1. Бугутская стела
(по: Ölmez 2019: 95)

Рис. 2. Бугутская стела
(по: Stark 2015: 478)

под брюхом которого расположена нечёткая, но несомненно человеческая фигурка. Вряд ли есть основания сомневаться, полагал С.Г. Кляшторный, что здесь изображена сцена древнетюркского генеалогического мифа. Этот миф носит явно тотемистический характер (Кляшторный, Лившиц 1971: 126; Kljaštornyj, Livšic 1972: 71).

Согласно этому мифу (или легенде), сохранившемуся в китайских источниках, предки тюрков жили на краю большого моря или болота и были уничтожены воинами соседнего племени (в литературе высказывалось мнение, что это были сяньбийцы). В живых остался лишь один десятилетний мальчик. Воины, видя его малолетство, пожалели убить его: отрубив ему руки и ноги, они бросили ребёнка в травянистое озеро. Его спасла волчица, выкормившая мальчика мясом. Эта волчица стала его женой. Скрываясь от врагов, волчица бежала в горы к северу от Гаочана. Там в пещере она родила 10 сыновей, отцом которых был спасённый ею мальчик. Один из сыновей носил имя Ашина. Он и стал предком тюркского правящего рода.

Интерпретация С.Г. Кляшторного подразумевала, что в верхней части барельефа Бугутской стелы изображена волчица, а под ней — мальчик с отсечёнными руками и ногами. В дальнейшем эта версия получила широкое распространение и была повторена во многих исследованиях, посвящённых тюркам в целом и Бугутской надписи в частности. В более поздних публикациях она иногда дополнялась утверждением, что мальчик изображён сосущим волчицу, сделанным, вероятно, под влиянием римского генеалогического мифа (Bazin 1975: 37; Roux 1982: 454; Alyılmaz 2006: 52; Çoruhlu 2001: 104).

Сам С.Г. Кляшторный, впрочем, в дальнейшем несколько видоизменил свою точку зрения. В поздних работах он писал, что «главная часть наверхи — изображение волка или волчицы, легендарной праматери рода (племени) Ашина, стилизованное под характерное для китайских императорских надгробий изображение дракона» (Кляшторный 2003: 52), «Бугутская стела имеет наверхием барельефное изображение волчицы, стилизованной под императорского дракона» (Кляшторный 2003: 424), «в наверхи Бугутского памятника изображена волчья фигура, которой приданы некоторые „драконьи“ черты» (Кляшторный, Савинов 2005: 75). Эти оговорки, несомненно, были сделаны под влиянием общего впечатления от композиции стелы, слишком явно походившей на китайские стелы высшей аристократии, которые, так же как и Бугутский памятник, покоились на каменной черепахе, а сверху имели одну или несколько пар переплетённых драконов. Сходство Бугутской стелы с китайскими было слишком очевидным, и С.Г. Кляшторный был вынужден несколько смягчить категоричность своей «волчьей» гипотезы, допустив определённую стилизацию волчицы под дракона.

К этой смягчённой версии примыкал и Ю.А. Зуев, писавший, что «вся жизнь Первого тюркского каганата прошла под сенью драконтины, одной

из ипостасей которой была волчица. Волчица-драконтина считалась не только матерью и кормилицей Первотюрка, но и последующих каганов, о чём прекрасно свидетельствует Бугутский памятник со скульптурным изображением волчицы, кормящей человеческого детёныша, — в верхней части» (Зув 2002: 88).

Со временем стали появляться сомнения в верности генеалогической интерпретации символики Бугутской стелы. Так, В.Е. Войтов в своей монографии, посвящённой древнетюркским культово-поминальным памятникам Монголии, писал, что «скульптурный дракон увенчивает Бугутскую стелу» (Войтов 1996: 102), а Ю.С. Худяков и К.Ш. Табалдиев в монографии о древних тюрках на Тянь-Шане отмечали, что «нельзя согласиться с интерпретацией навершия Бугутской стелы как иллюстрации к генеалогической легенде. На нём нет ни волчицы, ни вскормленного ею мальчика, а рельефно изображён восточно-азиатский дракон — символ императорской и каганской власти» (Худяков, Табалдиев 2009: 13).

С развёрнутой критикой гипотезы о волчице и мальчике выступил В.А. Коренько. В своей незаслуженно малоизвестной и мало цитируемой статье «Об изображении на Бугутской стеле» (2001), он утверждал, что «Кляшторный описал и интерпретировал изображение на Бугутской стеле, к сожалению, неверно». Уже с первого взгляда, по мнению В.А. Коренько, ясно: на стеле — остатки барельефа в виде дракона. «Бесспорно, что изображение это своеобразно и отличается от хорошо всем известных канонических изображений драконов в классическом китайском искусстве. Черты своеобразия связаны главным образом с упрощённой и искажающей трактовкой деталей образа. Нарушена и типичная для китайских изображений соразмерность частей драконьей фигуры. Несмотря на эти искажения определение барельефа как однофигурного изображения дракона становится совершенно очевидным, если повернуть рисунок на 90° — перевести его из вертикального положения в горизонтальное» (Коренько 2001: 358—359; рис. 3). Далее исследователь подробно характеризует изображение. За углами пасти — крупные пластины криволинейных очертаний. Эти детали соответствуют неперемому элементу китайских драконов — сегментовидным

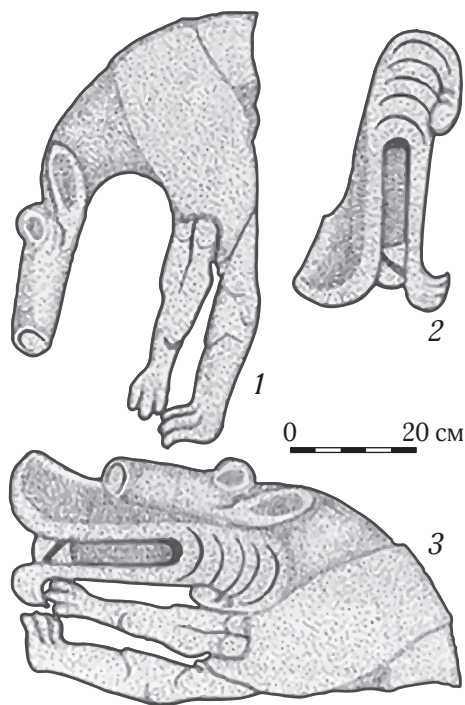

Рис. 3. Реконструкция навершия Бугутской стелы (по: Коренько 2001: 360)

или фестонобразным пластинам, аналогичным жаберным крышкам рыб. «Как и у многих китайских изображений драконов, выпуклый лоб и темя уступом возвышаются над выдавшейся далеко вперёд верхней челюстью». На этом уступе кольцевидными бороздками обозначены большие круглые глаза. Уши имеют листовидные очертания (форму заострённого эллипса). Перед ушами и выше их помещены округлые выпуклости. «Они не могут быть ничем иным, кроме редуцированных изображений рогов. Небольшие рога, присутствующие на многих дальневосточных канонических драконьих изображениях, то ли не были верно поняты скульптором, то ли он не сумел изобразить их более отчётливо». Недостаточное знание деталей изобразительного канона и в целом невысокий уровень скульптурного мастерства затрудняют атрибуцию изображения именно как драконьего. «Но редуцированные рога и бороздчатые пластины за углами пасти подтверждают такую интерпретацию». Увлёкшись изображением драконьей головы, по В.А. Коренько, скульптор отвёл ей слишком много места, так что остальные элементы фигуры были обречены на схематизм и деформацию. Передние ноги выглядят то ли повисшими, то ли неуверенно поставленными. На утраченной части стелы, скорее всего, размещались оставшаяся часть туловища, задние ноги и, возможно, хвост дракона (Коренько 2001: 361). Исследователь предполагает, что изображение на Бугутской стеле в восприятии С.Г. Кляшторного дезинтегрировалось и превратилось в двухфигурную композицию (Коренько 2001: 362).

Бугутская стела, согласно точке зрения В.А. Коренько, была первым опытом заимствования и воспроизведения канона китайских стел *бэй* в Центральной Азии. Это объясняет её отличия от китайских прототипов: «в верхней части изображена одна фигура дракона вместо пары переплетённых или антитетичных фигур, а трактовке ещё плохо известного и едва осваиваемого драконьего образа свойственны примитивизация и искажения» (Коренько 2001: 363). Таким образом, В.А. Коренько видел в верхней части Бугутской стелы дракона, причём одного, а не двух.

Важной вехой в изучении памятника стала монгольско-японская экспедиция, которая посетила Бугут в 1997 г. Хотя сами японские исследователи всё ещё поддерживали идентификацию животного в верхней части стелы как волка, они сумели добавить ещё два фрагмента к верхушке стелы и тем самым показали, что это не изображение волка и мальчика, а пара переплётшихся существ одного и того же вида (Moriyasu, Hayashi 1999: 121).

Затем внимание Бугутской стеле уделил М.Р. Дромпп в своей статье об образе волка в Центральной Азии. Он по-прежнему придерживается интерпретации существ как волков, но, признавая формальное сходство с изображениями на китайских стелах, предполагает, что «тюркский имперский символ волка занял место китайского дракона, который сам долгое время был символом китайского императора и императорской

власти» (Drompp 2011: 522). По М.Р. Дромппу, на вершукше стелы вырезано барельефное изображение волка, под которым видны две отдельные конечности. Несомненно, что именно эти две конечности С.Г. Кляшторный считал конечностями мальчика, находящегося под волчицей. Эта интерпретация изображений на памятнике была широко воспринята, хотя, как замечает М.Р. Дромпп, у неё есть свои проблемы. На повреждённой вершукше Бугутской стелы мы можем видеть лишь часть изображения, передающего плечо и голову волка и две конечности под ним. Голова волка направлена вниз и влево; эта позиция заставляет его как бы «нависать» над стелой, практически так же, как китайцы обычно помещали изображения драконов на вершукшах своих стел (Drompp 2011: 521).

Это наводит на предположение, считает М.Р. Дромпп, что «памятник первоначально содержал двух повёрнутых друг к другу спинами волков, смотрящих в разные стороны». Хотя ныне на стеле сохранился лишь левый волк, такая интерпретация подтверждается вновь найденными кусками стелы. Это обломки правой секции вершукши, которые содержат изображения конечностей и (видимо) нижней челюсти волка, находившихся в верхней правой части стелы, зеркально отображая изображения в левой верхней части. Таким образом, согласно М.Р. Дромппу, «кажется почти установленным, что, подобно драконам на китайских стелах, два волка были зеркально изображены спинами друг к другу на каждой из двух широких граней памятника», а их головы были направлены вниз влево и вниз вправо. Позиция волков отражает китайскую композиционную практику, но образ волков, хотя и повреждённый, указывает на присутствие и важность тюркского элемента. «Некоторые из важнейших стел Второго каганата, включая стелы Кюль-тегина и Бильге-кагана, имеют черепашьи базы и также увенчаны соединёнными спинами драконами китайского стиля, „нависающими“ над памятниками в той же самой позиции, что и волки Бугута: головы вниз, глаза открыты, челюсти распахнуты». Стилистически, по М.Р. Дромппу, «бугутские волки не имеют очевидных предшественников в искусстве Центральной Азии; хотя они сделаны в соответствии с прототипами китайского дракона, они явно волки и недостаточно похожи на китайских драконов, чтобы быть выведенными из них, за исключением их расположения на стеле» (Drompp 2011: 521—522).

Близкое рассмотрение, по мнению исследователя, показывает, что интерпретация конечностей, находящихся под каждым волком, как рук и ног человека крайне проблематична по нескольким причинам. Во-первых, каждая из конечностей имеет лишь три закруглённых пальца, которые больше напоминают лапу, чем человеческую руку или ногу. Во-вторых, если конечности принадлежат человеку, тогда волки не имеют конечностей в тех местах, где они должны быть; на деле же на лучшем сохранившемся левом изображении «рука» кажется вырастающей прямо из плеча. Наконец, в-третьих, и это самое важное, согласно тюркскому генеалогическому

мифу, ноги (а в некоторых версиях и руки) мальчика были отрублены вражескими воинами до того, как он встретился с волчицей. Если это конечности тюркского мальчика, на изображениях стелы не должно быть никаких ног (а возможно, и рук) (Drompp 2011: 522).

Визуальная реконструкция памятника, подытоживает М.Р. Дромпп, наряду с ясным пониманием тюркского мифа и китайских художественных практик, приводит к выводу, что эти конечности на самом деле — передние ноги волков, а не человека. «Они размещены, хотя и несколько грубовато, точно в том месте, где находятся передние конечности аналогичных драконов на современных им китайских стелах — стелах, которые наверняка служили моделями для художника или художников, изготовивших Бугутский памятник» (Drompp 2011: 522).

Эта интерпретация иконографии памятника, по М.Р. Дромппу, не отвергает тезис о том, что фигура на верхушке стелы — аллюзия на тюркский генеалогический миф. Волки на Бугутском памятнике были помещены в «китайских» позициях, но их визуальный и культурный смысл должен был служить напоминанием о волчьем (и, следовательно, сверхъестественном) возрождении тюрков после их почти что уничтожения. «Для тех зрителей, которые не могли читать надписи на стеле, присутствие волчицы было чрезвычайно важным, напоминая тюркам об их культурной идентичности и о мистическом происхождении их каганов. В то же время те, кто знаком с китайскими стелами, должны были сразу понимать, что изображения тюркской волчицы были сделаны и размещены в явном подражании китайскому имперскому дракону — ещё одному мистическому существу. Изображение волчицы, таким образом, служит „сокращённой“ версией тюркского имперского мифа» (Drompp 2011: 522).

К сожалению исследователя, Бугутская согдийская надпись ничего не говорит ни о волчице, ни о мифе. Миф представлен только в аллюзивной изобразительной форме. Неверна интерпретация, что Бугутская волчица изображена кормящей мальчика. «Миф ясно утверждает, что волчица кормила ребёнка мясом (а не молоком); взрослые волки действительно кормят волчат отрыгнутым мясом». Если на памятнике изображён мальчик — в чём М.Р. Дромпп сомневается, — то он не младенец и не сосёт молоко (Drompp 2011: 522, n. 27).

Итак, в Бугутской стеле, по М.Р. Дромппу, представлен символизм волка. При этом «важный символ иноземной власти, китайский дракон, был заменён собственным тюркским символом мистической силы и политической власти. Бугутский памятник, как и тюркский генеалогический миф, обеспечивал легитимность тюркским правителям в используемых ими символических терминах. Были ли они заимствованными или автохтонными, в конечном итоге не имеет значения. Они стали тюркскими. Тюркский каган, который воздвиг стелу, манипулировал символами мистической власти для утверждения своей легитимности. На вершине

стелы, между Небом и Землёй, волчица выступала посредником между человеческим и духовным царствами, жалуя свою мистическую санкцию тем, кто провозглашал и читил её как мать» (Drompp 2011: 526).

Сомнения и скепсис, выраженные М.Р. Дромппом в отношении общепринятой трактовки символизма Бугутской стелы, были доведены до логического конца С. Штарком. В монографии, посвящённой древним тюркам, он заключает, что старое и часто цитируемое утверждение о том, что рельеф в верхней части Бугутской стелы изображает волчицу с ребёнком, неверно (Stark 2008: 72, n. 317).

Наиболее полная аргументация этого тезиса была изложена в его опубликованной позднее статье. По С. Штарку, верхушка стелы «явно представляет собой изображение двух переплётшихся существ, обычно считающихся волками. Но, при ближайшем рассмотрении и с помощью детальных фотографий, они оказываются несколько деформированными версиями дракона и, таким образом, полностью соответствуют традиции китайских погребальных стел» (рис. 4). Анализируя гипотезу М.Р. Дромппа, С. Штарк замечает, что на первый взгляд она выглядит безусловно привлекательной. Но с ней есть две проблемы: во-первых, на стелах драконы никогда не ограничивались только императорским использованием; и во-вторых, более пристальный взгляд на фотографии показывает, что существа на вершине стелы не могут быть волками. Особенно проблематична выдающаяся «ступенька» позади «носа». «Чтобы понять эту странную деталь, полезно взглянуть на изображение под углом и вблизи. Тогда становится ясно, что это, на деле, типичный удлинённый глаз дракона, а круглый элемент выше него (который смотрится в профиль, действительно, как глаз), вблизи того, что несомненно является ухом, скорее всего, есть завитое окончание рога — таким образом, ещё один регулярный элемент в иконографии дракона. Конечно, этот образ дракона выглядит весьма деформированным, и исполнение рога почти столь же странно, как и исполнение конечностей. Но это можно объяснить довольно просто: быть может, скульптор, работавший на Бугуте, был общего происхождения с автором надписи, если вообще не был с ним одним лицом — а именно, скорее всего, согдийцем. Это позволяет

Рис. 4. Деталь Бугутской стелы (по: Stark 2015: 479)

понять весьма посредственное качество скульптуры: очевидно, скульптор не был вполне в ладу с художественным языком, связанным с китайским прототипом. Кроме того, мы должны помнить, что согдийцы, хотя и были блестящими художниками, резчиками по дереву, скульпторами терракоты и золотых и серебряных дел мастерами, никогда реально не работали много с камнем». Очевидно, заключает С. Штарк, сочетание драконового навершия и черепашьей базы было сознательно выбрано для этой стелы, чествующей императорскую элиту тюрков, поскольку то же самое сочетание было закреплено за стелами высших чиновников. В то же время верно, что тюрки не рабски скопировали китайскую модель, поскольку они заменили стандартную китайскую надпись согдийской и надписью письмом брахми. «В дополнение к стеле, архитектурный декор Бугута имеет сильный „китайский“ привкус, как можно видеть из фрагмента терракотовой плашки с „лицом демона“ и остатков сотен крышевых черепиц „китайского“ типа». Таким образом, не может быть сомнения, что ранние тюркские каганы, проживавшие в центральной Монголии, усвоили «китайские» элементы репрезентации элиты для своих целей — так же как делали элиты других восточно-степных политий до и после них. «Однако, как делает ясным случай с согдийской и брахми надписями, тюркские элиты также сознательно изменяли и адаптировали китайские формулы» (Stark 2015: 480—481, n. 29).

Эти же выводы были повторены С. Штарком в статье 2018 г. (Stark 2018: 334—336). По его мнению, старое предположение С.Г. Кляшторного, интерпретировавшего оставшиеся фрагменты верхушки Бугутской стелы как изображение волчицы и мальчика и отсылку к хорошо известному мифу о происхождении тюрков, может быть спокойно отброшено, поскольку вновь открытые два фрагмента показывают, что это должно быть изображение двух сходных переплётшихся драконов. Он приходит к выводу, что предположение В.Е. Войтова о том, что два переплётшихся животных на верхушке Бугута — это драконы, верно (Stark 2018: 336, n. 7). Точка зрения С. Штарка очень близка гипотезе В.А. Коренько, с той только разницей, что С. Штарк предполагает наличие на верхушке стелы двух драконов, а В.А. Коренько — одного.

К отрицанию гипотезы С.Г. Кляшторного недавно присоединился и М. Ольмез. В своей «Краткой истории Бугутской надписи» он пишет, что сначала считали, что сверху надписи есть фигура волчицы и мальчика, сосущего её. Это предположение навеяли легенды о тюрках, представленные в китайских анналах. Но оставалась неясность, поскольку верхняя часть была отбита. Когда отбитую часть надписи приставили к основной части верхушки, стало ясно, что это не волчица и под ней нет никакого ребёнка (Ölmez 2019: 93).

В настоящее время, после открытия новых фрагментов верхушки Бугутской стелы, можно утверждать, что волчицы и мальчика там нет. Остаются две гипотезы: М.Р. Дромппа и В.А. Коренько / С. Штарка,

предлагающих, соответственно, видеть в наверху двух повёрнутых друг к другу спинами волков или обычных китайских драконов/дракона, переданных в не очень умелой и грубоватой форме. Выбор между этими двумя гипотезами затруднён, поскольку мы не имеем скульптурных тюркских изображений волка того периода, и нам не с чем сравнивать. Кроме того, недостаточно проработан вопрос о китайском прототипе. На некоторых китайских стелах драконы также выглядят «волкообразными», и неясно, местный это мотив или он как-то опосредован «степными» (например, тюркскими) влияниями.

Любопытно, что схожая дилемма уже возникала раньше, на другом материале. Китайского дракона пытались вывести из древнекочевнического анималистического искусства. В анималистическом искусстве скифов и саков дракон отсутствует, однако на поясных пластинах хуннского времени он довольно многочислен. В своё время С.И. Руденко описывал изображённых на ажурной нефритовой пластинке из Ноинулинского могильника двух драконов как изогнутых с перевившимися хвостами рогатых волков с открытой пастью, огромными клыками и вздёрнутым сверху кончиком носа. Он полагал, что этот сюжет — хуннский, а интерпретация — китайская. Возражая подобным попыткам, В.А. Коренько писал, что изобразительный канон дракона сформировался в Китае ещё до эпохи Хань. Кочевникам он был чужд. В степь он проник лишь при хунну во II в. до н.э., когда упрочились связи с Китаем. При этом доминирование ханьского Китая бесспорно. Восточноазиатский дракон целен и экспрессивен, он — эмблема китайского искусства и вообще Китая, всегда самостоятелен и узнаётся. «Вопросы о местном происхождении или местном вкладе в генезис этого образа представляются надуманными, излишними». Заимствованность, экзогенность образа очевидны. Его «местная трактовка» часто — искажение деталей, плохое знание канона, упрощение, техническая отсталость, зависимость от материала (Коренько 2002: 135—136).

Так же и в нашем случае «волкообразность» драконов может быть не самостоятельной чертой местного происхождения, навеянной генеалогическим мифом, а чисто техническим феноменом — слабым знанием иконографического материала, недостаточным владением искусством обработки камня, искажением деталей. Иными словами, дракон с волчьим обликом — следствие неверной интерпретации, а не замысел резчика, изготовившего стелу. Важно помнить, что и в самом Китае встречаются стелы со схожим («волчьим») изображением морд драконов, хотя их можно при желании объяснить влиянием степных культур на Китай.

Ситуация осложняется ещё тем, что связь между тюрками и волками, как указывал Дж. Клосон, зиждется на очень шатких основаниях: этногенетические легенды могут быть не исконными, а созданными врагами тюрков, приписывающими тюркам происхождение от животных (Clauson 1964: 20). В связи с этим трудно убедительно говорить

не только о волчьем мотиве на Бугутской стеле, но и о культе волка у древних тюрков вообще. Позднее к этому выводу Дж. Клосона присоединился А.М. Щербак (Shcherbak 1993: 203—204).

Как бы там ни было, вопрос о символике Бугутской стелы на сегодняшний день может быть суммирован следующим образом. Гипотеза о волчице и мальчике оказалась несостоятельной. Остаются варианты с двумя волками, повторяющими китайскую композиционную схему с драконами, и двумя драконами, несколько неуклюже воспроизводящими китайский образец. Возможно, дальнейшее исследование Бугутского памятника позволит сделать между ними выбор, хотя, по нашему мнению, вторая точка зрения выглядит более предпочтительной.

ЛИТЕРАТУРА

- Войтов В.Е. 1996. *Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв.* М.: Гос. музей Востока.
- Зуев Ю.А. 2002. *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии.* Алматы: Дайк-пресс.
- Кляшторный С.Г. 2003. *История Центральной Азии и памятники рунического письма.* СПб.: Филол. ф-т СПбГУ.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. 1971. Согдийская надпись из Бугута. *Страны и народы Востока.* Вып. X. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М., 121—146.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 2005. *Степные империи древней Евразии.* СПб.: Филол. ф-т СПбГУ.
- Кореняко В.А. 2001. Об изображении на Бугутской стеле. *Мировоззрение древнего населения Евразии.* М., 355—369.
- Кореняко В.А. 2002. *Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль.* М.: Вост. лит.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. 2009. *Древние тюрки на Тянь-Шане.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Alyılmaz S. 2006. On the Bugut Inscription and Mausoleum Complex. *Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday.* Ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venice, 51—60.
- Bazin L. 1975. Turcs et Sogdiens: les Enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie). *Mélanges Linguistiques Offerts à Émile Benveniste.* Ed. by F. Bader et al. Louvain, 37—45.
- Clauson G. 1964. Turks and Wolves. *Studia Orientalia.* Vol. XXVIII. No. 2, 3—22.
- Çoruhlu Y. 2001. Göktürk Sanatında Dini Nitelikli Heykeller ve Tasvirler. *Türk Dili Araştırmaları. Yıllığı-belleten.* 2000. Ankara, 95—146.
- Drompp M.R. 2011. The Lone Wolf in Inner Asia. *Journal of the American Oriental Society.* Vol. 131. No. 4, 515—526.
- Kljaštornyj S.G., Livšic V.A. 1972. The Sogdian Inscription of Bugut Revised. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* T. XXVI. Fasc. 1, 69—102.
- Moriyasu Takao, Hayashi Toshio 1999. Site of Bugut. *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998.* Ed. by T. Moriyasu, A. Ochir. Osaka, 121.
- Ölmez M. 2019. A Short History of the Bugut Inscription. *Journal Asiatique.* No. 307.1, 91—96.

- Roux J.-P. 1982. Les Inscriptions de Bugut et de Tariyat sur la Religion des Turcs. *Studia Turcologica Memoriae Alexii Bombaci Dicata*. Ed. by A. Gallotta, U. Marazzi. Napoli, 451—461.
- Shcherbak A.M. 1993. On the Chief Totem of Ancient Turks (Mainly on the Basis of Linguistic Material). *Türk Dilleri Araştırmaları*. No. 3, 203—211.
- Stark S. 2008. *Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und Historische Studien*. Wiesbaden.
- Stark S. 2015. Luxurious Necessities: Some Observations on Foreign Commodities and Nomadic Polities in Central Asia in the Sixth to Ninth Centuries. *Complexity of Interaction Along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Ed. by J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn, 463—502.
- Stark S. 2018. Aspects of Elite Presentation Among the Sixth- and Seventh-Century Türks. *Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity: Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250—750*. Ed. by N. di Cosmo, M. Maas. New York, 333—356.

THE BUGUT STELE: THE HISTORY OF INTERPRETATION OF ITS SYMBOLISM

D.V. Rukhliadev

This article examines the polemics in research literature around the symbolism of carved images on the Bugut stele — the oldest inscribed monument of the Turks. The author reviews a number of hypotheses regarding the subject and meaning of the images on the stele. The earliest one, which was widely accepted ever since, conjectured that the head of the stele contained an image of a she-wolf and a boy beneath it (as a reference to the Turkic genealogical myth). Some scholars added that the she-wolf was suckling the boy, while others speculated that it was depicted as a “dragon”. Later on, this hypothesis was strongly criticized. A detailed investigation of the top of the stele, along with new imaging and the discovery of its additional fragments, allowed scholars to conclude that the carved image depicted either two dragons or two wolves imitating dragons on Chinese stelae. At present, two points of view are considered relevant, first, that the stele depicts two wolves turned away from each other, and second, that there are two dragons reproducing the standard Chinese pattern. In this latter case, the unusual appearance of the dragons is apparently due to the low-skilled local craftsmanship in stone carving and insufficient knowledge of the Chinese iconographical canon.

Keywords: Bugut stele, Mongolia, bas-relief, dragons, she-wolf, boy, Turks, symbolism.

REFERENCES

- Voytov V.E. 1996. *Drevnetyurkskiy panteon i model' mirozdaniya v kul'tovo-pominal'nykh pamyatnikakh Mongolii VI—VIII vv.* [Ancient Türkic Pantheon and the Model of the Universe in the Cult-Memorial Monuments of Mongolia in the 6th—8th Centuries]. Moscow: Gos. muzey Vostoka.

- Zuev Yu.A. 2002. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty: Dayk-press.
- Kljaštornyj S.G. 2003. *Istoriya Tsentral'noy Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and Monuments of Runic Writing]. Saint Petersburg: Filol. f-t SPbGU.
- Kljaštornyj S.G., Livšic V.A. 1971. Sogdiyskaya nadpis' iz Buguta [Sogdian Inscription from Bugut]. *Strany i narody Vostoka*. Vyp. X. Srednyaya i Tsentral'naya Aziya. Geografiya, etnografiya, istoriya [Countries and Peoples of the East. Iss. 10. Central and Inner Asia. Geography, Ethnography, History]. Moscow, 121–146.
- Kljaštornyj S.G., Savinov D.G. 2005. *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. Saint Petersburg: Filol. f-t SPbGU.
- Korenyako V.A. 2001. Ob izobrazhenii na Bugutskoy stele [About the Image on the Bugut Stele]. *Mirovozzrenie drevnego naseleniya Evrazii* [Worldview of the Ancient Population of Eurasia]. Moscow, 355–369.
- Korenyako V.A. 2002. *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [Art of the Peoples of Central Asia and the Animal Style]. Moscow: Vost. lit.
- Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh. 2009. *Drevnie tyurki na Tyan'-Shane* [Ancient Turks in the Tien Shan]. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Alyılmaz C. 2006. On the Bugut Inscription and Mausoleum Complex. *Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday*. Ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venice, 51–60.
- Bazin L. 1975. Turcs et Sogdiens: Les Enseignements de L'inscription de Bugut (Mongolie). *Mélanges Linguistiques Offerts à Émile Benveniste*. Ed. by F. Bader et al. Louvain, 37–45.
- Clauson G. 1964. Turks and Wolves. *Studia Orientalia*, vol. XXVIII, no. 2, 3–22.
- Çoruhlu Y. 2001. Göktürk Sanatında Dini Nitelikli Heykeller ve Tasvirler. *Türk Dili Araştırmaları. Yıllığı-belleten. 2000*. Ankara, 95–146.
- Drompp M.R. 2011. The Lone Wolf in Inner Asia. *Journal of the American Oriental Society*, vol. 131, no. 4, 515–526.
- Kljaštornyj S.G., Livšic V.A. 1972. The Sogdian Inscription of Bugut Revised. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. XXVI, fasc. 1, 69–102.
- Moriyasu Takao, Hayashi Toshio 1999. Site of Bugut. *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998*. Ed. by T. Moriyasu, A. Ochir. Osaka, 121.
- Ölmez M. 2019. A Short History of the Bugut Inscription. *Journal Asiatique*, no. 307.1, 91–96.
- Roux J.-P. 1982. Les Inscriptions de Bugut et de Tariyat sur la Religion des Turcs. *Studia Turcologica Memoriae Alexii Bombaci Dicata*. Ed. by A. Gallotta, U. Marazzi. Napoli, 451–461.
- Shcherbak A.M. 1993. On the Chief Totem of Ancient Turks (Mainly on the Basis of Linguistic Material). *Türk Dilleri Araştırmaları*, no. 3, 203–211.
- Stark S. 2008. *Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien*. *Archäologische und Historische Studien*. Wiesbaden.
- Stark S. 2015. Luxurious Necessities: Some Observations on Foreign Commodities and Nomadic Politics in Central Asia in the Sixth to Ninth Centuries. *Complexity of Interaction Along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Ed. by J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn, 463–502.
- Stark S. 2018. Aspects of Elite Presentation Among the Sixth- and Seventh-Century Türks. *Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity: Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750*. Ed. by N. di Cosmo, M. Maas. New York, 333–356.

Дата поступления в редакцию 30.04.2021